

Это было то время, когда люди с великим усердием и ожесточением в сердце проливали человеческую кровь в борьбе за всемирное счастье, при этом совершенно не думая о тех, ради кого это делалось.

Исторические факты и события того времени взяты из литературных источников, а персонажи и их приключения выдуманы автором.

Пролог

Три дня я находился в сознании молодого человека, старовера, который на пределе своих сил пытался выжить, умирая от ран, нанесенных зверем, от голода и холода. Как такое могло произойти, просто не укладывалось в моем сознании, да и не до того было, так как его мысли, эмоции и страдания, словно рикошетом били по мне, захлестывая мой разум незнакомыми образами, непонятными картинками из чужой жизни, нечеловеческими муками, которые перенес другой человек. Я не чувствовал всей полноты его страданий, так как не испытывал ни физической боли, ни голода, ни холода, не видел, как тот полз по холодной земле, дергаясь всем телом, словно червяк, цепляясь окровавленными, распухшими пальцами за землю. Временами человек замирал, ныряя в очередное забытие, и только в эти моменты мне удавалось становиться самим собой.

Перебирая все возможные варианты происходящего, начав с бреда и галлюцинаций больного мозга, я постепенно понял, что передо мной проматывается жизнь другого человека, причем в другом, чужом для меня времени. Придя к такому выводу, решил, что нужно отталкиваться от самого человека и его времени, чтобы понять, в чем заключается цель пока непонятного для меня эксперимента.

Глава 1

Во второй половине дня к станции на дрезине подъезжали два человека. Рельсы под колесами дрезины стучали на стыках, при этом она сильно скрипела, словно жалуясь, но люди, не обращая внимания на звуки, упорно работали рычагом, гоня железную тележку все дальше. Василий Севостьянович, плечистый мужчина лет сорока пяти, время от времени бросавший взгляды по сторонам, вдруг резко вскинул голову.

— Ванька, глянь! Навроде человек.

— Где?! Где, дядька Василий? — вслед за ним повернул голову в ту же сторону парень лет восемнадцати.

— Да вон там! У кромки леса!

— Вижу! Ползет! Кто он? Можга, беглый?

— Для нас он человек, а дальше с ним пусть власти разбираются.

— Это правильно. Мамка так и говорит...

— Тормози! Заберем его.

— Дядька Василий, а зачем мы?! Давай сообщим о нем на станции...

— Тормози дрезину, чертов сын! Он сейчас живой, а через пару часов и душу отдать может! Не след грех на душу брать!

Как только тело оказалось на металлической тележке, оба налегли на рычаг.

— А смердит от него как! Дядька Василий, глянь, одежда на нем вся сопрела. И раны вон какие кровавые! Что за зверь его так рвал? — никак не мог успокоиться Иван, племянник железнодорожника. — Все одно не могу понять: откуда он здесь взялся?

— Согласен. Непонятное дело, — согласился с ним железнодорожник, хмыкнув в густые усы. — По нательному крестикку выходит, что старовер. Только мне

не доводилось слышать, чтобы они из скита своего бежали.

Двое суток я был почти без сознания, лавируя между жизнью и смертью, лишь на короткое время приходя в себя, только теперь в моем бреду переплетались картины моей жизни с отрывками из памяти молодого старовера. Теперь я точно знал, что он ушел, оставив после себя обрывки памяти. Как и когда это произошло, мне было неизвестно, просто не почувствовал за неистовым желанием выжить во что бы то ни стало. Ощущение моего пробуждения к жизни было похожим на то, словно я выплыл из темной глубины, готовой меня поглотить, к свету. Если до этого оба сознания, переплетаясь, словно играли со мной, мельгеша образами и играя картинами из жизни, то теперь я оказался живым человеком в реальном мире.

За деревянной оконной рамой с шелушащейся белой краской только начинался рассвет. В больничной палате стоял полумрак, а легкий ветерок, идущий из открытой форточки, заставлял колыхаться белую занавеску, закрывавшую вторую половину окна. Металлическая спинка кровати. Занавеска на окне. Потрескавшийся, давно не беленый потолок. Венцом этой обветшалости и убогости стал плакат, нарисованный в две краски, на котором краснокожий мужик красным молотом разбивает черного двуглавого орла, а внизу надпись: «Свергли могучей рукой». Он подтвердил и поставил окончательно точку в моем сознании, что я не только попал в чужое тело, но и в другое время. Вот только одно дело — видеть мир через призму мироощущения молодого скитника, и совсем другое — видеть и чувствовать самому.

Вместе с болью изломанного тела меня пронзило острое чувство одиночества. Двойной напор с такой силой ударил по сознанию, что я не выдержал и тихо выругался сквозь зубы, причем не столько от

боли, сколько от ощущения беспомощности. Больной, лежавший на соседней кровати и до этого тихо сопевший, услышав это, вдруг резко замолк, потом с шумом повернулся на другой бок, всхрапнул и снова заснул. Прошло несколько минут, прежде чем я сумел взять себя в руки, а затем, чтобы отвлечься, стал прикидывать, какую линию поведения надо избрать, чтобы не выбиться из образа молодого старовера.

Теперь мне надо было привести свое сознание и навыки в соответствие с моим нынешним положением. Я уже знал, что до семнадцати лет хозяин моего нынешнего тела рос в лесу, причем, где именно, он и сам не имел ни малейшего понятия, так как география не входила в его обучение. Их учили читать, писать и считать. Он умел делать простейшие арифметические действия, учился читать по «Часослову», знал наизусть утренние и вечерние молитвы, а все остальное его время занимали охота, рыбалка и работы по дому. Звали его Иваном Микишиным.

Жил бы он так и дальше, только в один из летних дней перед скитом появился конный отряд чекистов, присланный в скит из-за доноса, в котором говорилось, что местные староверы оказывают помощь укрывшейся в лесу банде белогвардейцев под командованием бывшего царского поручика, которого не могли поймать уже четыре месяца. Об этом факте Микишин узнал много позже, уже во время допроса в ЧК.

За сутки до появления карательного отряда трое староверов отправились на охоту, а вернувшись через три дня, не поверили своим глазам, глядя на уничтоженный скит. Иван был в их числе. Стоило молодому и горячему парню увидеть трупы близких ему людей, как он потерял голову. Какое-то время он кричал и плакал, потом его словно перемкнуло, жажда мести опалила огнем его сердце и разум. Схватив охотничье ружье, он кинулся по следам убийц.

Несмотря на свои семнадцать лет, он уже был опытным таежником, охотником и следопытом, поэтому идти по следу большого отряда ему не составило труда. Нагнал он чекистов на выходе из леса, вот только горе и месть дали осечку в тот самый момент, когда он был готов нажать на спусковой крючок. Не смог Иван выстрелить, ни вера, ни воспитание не позволили, зато у одного из чекистов рука не дрогнула. Молодой старовер был ранен, затем его перевязали и забрали с собой, а через неделю он предстал перед пролетарским судом, который обвинил его в вооруженном покушении на сотрудников ЧК.

Ему дали четыре года тюрьмы и отправили строить социализм. Полтора года, проведенных в заключении, показались молодому и невинному душой парню адовой мукой, его попытки укрыться за верой мало чем помогали, и за то, что его не сломали, нужно благодарить вора-медвежатника, широко известного в уголовном мире. Тот медленно умирал, требуя постоянного присмотра, вот за ним и приставили ухаживать Микишина, а спустя год он решился на побег, предложенный ему ворами. У тех была своя выгода. Молодой, сильный, а главное, знающий тайгу парень, который при большой нужде мог сойти за «корову».

После четырех месяцев подготовки шесть заключенных совершили побег, а спустя три месяца на опушку леса выполз только один человек. Не вовремя подвернутая нога, схватка с рысью, потеря крови — все это подорвало здоровье молодого человека, но не силу воли. Только благодаря сильному духу он сумел преодолеть последнюю пару километров и выйти к железной дороге.

Прокрутив в голове вехи своей новой биографии, я сделал печальный вывод, что с моим побегом и политической статьей местные власти вполне могут поставить к стенке. От той жизни у меня осталось знание

трех иностранных языков, а вот тем же в отношении других школьных предметов мне похвастать было нечем. Мой скудный набор знаний об этом историческом периоде заключался в следующем перечне: Первая мировая война, революция семнадцатого года, НЭП, Ленин, Сталин, Троцкий и пятилетки.

«В дополнение к этому продовольственные карточки, расстрелы, лагеря... Нет, это не мое. Да тут и думать нечего. Надо вставать на ноги и катить в Европу», — подвел я окончательный итог своим размышлениям.

Три раза в прошлой жизни мне доводилось валяться в госпиталях, и вот теперь новую жизнь мне пришлось начать с больничной койки. Наверное, это плохая примета, или для моей ситуации она стандартная? Впрочем, что досталось, с тем и жить будем, решил я и неожиданно для себя уснул. Проснулся уже от громкого голоса санитарки, которая выговаривала больному за испачканный пол.

— Матвей Лукич, это что?! Я тебя, старый хрен, спрашиваю! Я что, нанялась за тобой убирать?!

— Марфа Антоновна, побойся бога! Мне что, теперь до ветру сбегать нельзя?

Открыл глаза и зажмурился. Яркое солнце, отражаясь в приоткрытом окне, разбросало по всей палате множество солнечных зайчиков. Вместе с ощущениями тепла и свежести на меня как-то разом нахлынули различные запахи и звуки. Сначала достиг ноздрей резкий запах хлорки, смешанный с запахом подгоревшей пищи и табачного дыма. Где-то за окном выдала трель какая-то птичка. Вместе с ощущениями ко мне неожиданно пришло чувство чистой, почти детской радости, какая бывает у взрослого человека, который пережил тяжелую болезнь.

Скосил глаза и неожиданно встретился взглядом с полной пожилой женщиной в застиранном белом

халате и белой косынке, из-под которой выбивались седые волосы. Ее глаза широко распахнулись:

— Ох! Ужель очнулся, милый?!

После ее слов все, кто был в палате, вскочили на ноги и, подойдя к моей кровати, с нескрываемым интересом уставились на меня. Их было четверо. Один из них был невысоким лысым дедом с хитрым прищуром и седой, клочковатой бородой, другой — крепкого сложения пожилой мужчина с широким лицом, третий, полная ему противоположность — худая личность с усами, имевшая угловатые черты лица и желтоватый оттенок кожи. Четвертый пациент имел чисто выбритую голову и, в отличие от остальных, не имел никаких следов растительности, кроме бровей. В одном все четверо больных были схожи — одеты в кальсоны и белые рубахи навыпуск.

— Ты у нас кто будешь? — первым поинтересовался дедок.

— Егорий, — хрипло ответил я и закашлялся.

— Ой! Чей-то я стою! — вдруг воскликнула толстуха. Оттолкнув здоровяка, загораживающего ей путь, метнулась к двери.

— За фелшаром побежала, — прокомментировал ее бегство дед, потом неожиданно спросил: — Ты из какого скита, парень?

Название скита, в котором когда-то жил Иван, я знал, но говорить правду не собирался. Незачем им знать обо мне больше, чем я собирался рассказать, поэтому вместо ответа только насупился и промолчал. Наступила минута неловкого молчания, которая была прервана резко открывшейся дверью и появлением нового персонажа. В палату быстро вошел мужчина средних лет, имевший пенсне, ухоженные усы и бородку клинышком. Он один в один походил на врача старых времен, каким его показывали в кино. Вот только его интеллигентное лицо портили мешки под

глазами. Добрые карие глаза смотрели с сочувствием и любопытством.

— Очнулись, юноша? Это очень хорошо. Как вы себя чувствуете? Слабость? Боль?

Я не ответил, а вместо этого посмотрел на забинтованные руки, потом снова посмотрел на врача.

— Где я? — изобразил я только что очнувшегося человека.

— В больнице, молодой человек. Как вас зовут?

— Егорий, — снова я повторил свое имя.

— Егор, значит. Откуда ты? — После короткого молчания, когда доктор понял, что ответа не будет, он поменял тему: — Ну-с, молодой человек, давай будем тебя осматривать.

Минут десять он меня крутил, нажимал то там, то тут, затем задавал вопросы, на которые я однозначно отвечал.

— Что я могу сказать? Могу тебя порадовать, Егор, ты идешь на поправку. Организм твой молодой, справится, правда, истощен сильно, но это дело поправимое.

В этот момент пришла медсестра и принесла лекарство — порошки и стакан с водой.

— Будете принимать это лекарство трижды в день, — строго сказал доктор и отошел в сторону.

Женщина поставила на деревянную тумбочку блюдечко с бумажными пакетиками, а рядом стакан с водой. Развернула один из пакетиков и ловко сложила его вроде трубочки, затем поднесла к моему рту. Я недоверчиво посмотрел на доктора, на что тот одобрительно кивнул головой.

— Давай, милый.

Я послушно открыл рот. Порошок отдавал едкой горечью. Женщина взяла стакан воды и протянула мне.

— Пей, деточка.

С некоторым трудом сложил двоеперстие и перекрестил стакан и только после этого взял его в руку. Сделал я это автоматически, без внутреннего сопротивления, словно делал так всю свою сознательную жизнь. Сестра приподняла мне голову, и я сделал несколько глотков. Второй порошок проглотил по точно такой же схеме, после чего женщина забрала блюдечко и стакан и вышла из палаты. Вслед за ней ушел доктор. Мои соседи по палате, стоило прийти врачу, улеглись на свои кровати и теперь только время от времени бросали на меня взгляды.

Снова пришла сестра, поставила стакан воды мне на тумбочку, затем долго объясняла больничные правила.

— Все понятно?

— Все понял. Благодарствую, добрая женщина.

Женщине понравился мой ответ, это было видно по ее доброй улыбке, затем она ушла, но скоро вернулась с какой-то кашей-размазней и кусочком хлеба. После того как я поел, ушла окончательно. Только закрылась за ней дверь, как в меня снова вцепился дед с хитрыми глазами и сиво-пегой бородой, закрывавшей половину лица.

— Так ты, мил человек, из каких будешь? Из Дубининского скита, что ли?

— Не надо меня спрашивать, добрый человек. Все мое пусть при мне и останется, а Бог мне в этом судия.

— Да не получится уже у тебя так, парень. Раз в мир вышел, значит, уже не спрячешься, а стало быть, открыт ты теперь для народа, — неожиданно прикрутил философию к своим словам дедок.

— С чего ты, Лукич, решил, что он старовер? — спросил его крепкий мужчина.

— Так видно же. Как по кресту нательному, да двуперстию и по разговору, — снисходительно ответил ему старик.